

Текст: Яков Миркин, доктор экономических наук, ведущий рубрики

Наши колумнисты Яков Миркин известен своими блестящими аналитическими статьями о текущем моменте. А еще он пишет неожиданные исторические эссе. Герои его рубрики «Большая Родня» — императоры и крестьяне, писатели и банкиры, воины и князья — связаны неразрывными, почти семейными узами. Все они живые, даже если давно ушли. Все они любят Родину.

ПОКАЯНИЕ КНЯЗЯ ВЯЗЕМСКОГО

ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ В ЖИЗНИ ТАКИМ, КАК ОН, — УМНЫМ, ТАЛАНТЛИВЫМ, БЕСКОРЫСТНЫМ?

В

В 1820 г. вступил в Общество добрых помещиков и поднял записку об освобождении крестьян, поданную императору графом М. С. Воронцову. Однако отказ Александра I от идеи проведения масштабных реформ разочаровал Вяземского. Свои убеждения он демонстративно высказывал и получивших широкую известность стихах («Петербург», «Негодование», «К Кораблю»), частных письмах и беседах.

В результате Вяземский был отстранен от службы.

Записные книжки князя Петра Вяземского 1813–1848 годов. Свободолюбия и современен, «Утро заставало меня с пером, с желанием писать». Многообещающий поэт. Князь.

Либерал. В 1819 году — в двадцать семь лет — участвовал в проекте первой русской конституции, составленной по просьбе царя. Доказывал ему проект. Получил одобрение. «Представляю судить, какими семенами должны были подобные слова оплодотворить сердце, уже раскрытое к политическим надеждам, которые с того времени освятились для меня самоюдержанною пластиной».

Переворот в мнении царя. Всеобщий антилиберализм.

Вяземский упорствует. «С моей (стороной), признаюсь охотно, обнаруживался, может быть, илищий фанатизм страдальства за гонимое исповедование».

Надзор полиции, люстрация писем. Не явился за приказаниями к начальству — «к великому книзу» — при отъезде из Варшавы. Попал в опалу. Разорвал со службой.

«Сим закончилось мое служебное поприще и началось мое опальное», «Бедственная известность моему имени, когда друзья мои говорят в пользу моим сановникам, знающим меня по одному слуху».

Оправдывался. «Могу по крайней мере сказать решительно, что в поведении моем... не было ни одного поступка предосудительного; в связях моих ничего враждебного и возмутительного против правительства и начальства».

Это — донос на самого себя. «Записка о князе Вяземском, им самим составленная».

«Признаюсь... иногда в письмах своих позволял себе и умышленную неосторожность. В припадках патриотической желчи, при мерах правительства, не согласных, по моему мнению, ни с государственною пользою, ни с достоинством русской нации, при назначении на важные места людей, которые не могли поддерживать высокого и тяжкого бремени, на них возложенного, я часто нарочно передавал горяча письмам моим животрепещущее соболезнование моего сердца; я писал часто в надежде, что правительство наше, лишенное независимых органов общественного мнения, узнает, перехвачивая мои письма, что посреди глубокого молчания, господствующего на равнине нашего общежития, есть голос бескорыстный, укорительный представитель мнения общего».

Собрался эмигрировать.

Сломался.

«Для устраниния всякого подозрения обо мне, для изъявления готовности моей совершенно себя очистить во мнении я готов принять всякое назначение по службе, которым правительство меня удостоит».

Был принят на службу чиновником особых поручений при министре финансов.

Ненавидел все это.

«Я сబился с числами. Вчера утром в департаменте читал проекты положения маклерам. Если я мог бы со стороны увидеть себя в этой зале, одного за столом, читающего то, что не понимаю и понимать не хочу, куда показалась бы я себе смешным и жалким. Но это называется служба, быть порядочным человеком, полезным отечеству, а пуще всего верным верноподданным. — Почему же нет...»

Сделал карьеру, награжден орденами. Вице-директор департамента внешней торговли. Управляющий Главного Заемного банка. Член Совета при Министерстве финансов.

Ненавидел все это.

«Странная моя участь: из мытаря делаюсь ростовщиком, из вице-директора департамента внешней торговли становлюсь управляющим в Государственный Заемный банк. Что в этих должностях, в сфере этих действий есть общего, сочувственного со мною? Ровно ниче-

го. Все это противоестественно, а именно поэтому так быть и должно, по русскому обычаю и порядку».

Не мог удержаться. Записи для себя.

«У нас запретительная система господствует... во всем. Сущность почти каждого указа есть воспрещение чего-нибудь. Разрешайте же, даруйте иногда хоть ничтожные права и малоизначительные выгоды...» «Вся государственная процедура заключается у нас в двух приемах: в рукоположении и в рукоприкладстве. Власть положит руки на Ивана, на Петра и говорит одному: ты будь министр внутрен-

В 1820 ГОДУ ПОДПИСАЛ ЗАПИСКУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ КРЕСТЬЯН, ПОДАННУЮ ИМПЕРАТОРУ. ОТКАЗ РАЗОЧАРОВАЛ. ДЕМОНСТРАТИВНО ВЫСКАЗАЛСЯ В СТИХАХ. БЫЛ ОТСТРАНЕН ОТ СЛУЖБЫ...

них дел, другому — ты будь правитель таких-то областей, а Иван и Петр подписывают имена свои под исходящими бумагами. Власть видит, что бумажная мельница в ходу, что миллионы номеров вылетают из нее безостановочно, и остается в спокойном убеждении, что она совершенно права перед богом и людьми».

Перемолотый, смятый системой человек.

Обычная история. Знакомая история.

История, повторяемая бесконечно, от века к веку.

Но какой необыкновенный, тщательно-вкусный русский язык, на котором хочется думать, чисто говорить и писать много и с удовольствием.

“1.2

Князь Петр Андреевич Вяземский и приженное собрание его стихотворений.

“3

Парадная форма камер-гера. XIX век.